

УДК 1(091)

УЧЕНИЕ КАНТА О ВОЙНЕ И МИРЕ
В ФИЛОСОФИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И НЕМЕЦКОГО ИДЕАЛИЗМА.
ОБЗОР IV МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛЕТНЕЙ
ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАСЛЕДИЯ
ИММАНУИЛА КАНТА

А.О. Сабанов¹

В статье представлен обзор IV Международной летней школы по изучению наследия И. Канта, посвященной учению Канта о войне и мире, организованной Академией Кантианой БФУ им. И. Канта при поддержке Форума «Петербургский диалог» и состоявшейся 24 – 31 июля 2022 г. В лекциях научного руководителя школы А. Н. Круглова был представлен широкий спектр тем: истоки кантовского учения о войне и мире, политические воззрения Канта и содержащиеся в них противоречия, анализ кантовского трактата о вечном мире, а также его ранние рецепции и современные дискуссии. В рамках конференции молодых ученых было представлено 22 доклада, краткое содержание которых отражено в обзоре. Обсуждались культурные, социальные и интеллектуальные условия появления трактата «К вечному миру», его влияние на создание Лиги Наций, ООН, ЕС; были проанализированы пересечения с философскими проектами XX в., а также предложены оригинальные интерпретации.

Ключевые слова: Кант, вечный мир, война, пацифизм, республиканизм, федерализм, гражданское общество

24–31 июля 2022 г. в г. Зеленоградске Калининградской области прошла IV Международная летняя школа по изучению наследия Иммануила Канта, которая была организована научно-исследовательским подразделением

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 14.08.2024 г. doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-7

KANT ON WAR AND PEACE
IN THE PHILOSOPHY
OF THE ENLIGHTENMENT
AND GERMAN IDEALISM.
REPORT OF THE FOURTH
IMMANUEL KANT
INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL

А.О. Sabanov¹

This article presents a report of the Fourth Immanuel Kant International Summer School devoted to Kant's doctrine of war and peace (24-31 July 2022), organised by the Academia Kantiana of the Immanuel Kant Baltic Federal University with the support of the "Petersburg Dialog" Forum. The lectures of the School's scientific supervisor, Alexei N. Krouglov, address a wide range of topics: the sources of Kant's doctrine on war and peace, Kant's political views and their inherent contradictions, analysis of Kant's treatise on perpetual peace, as well as its early reception and current discussions. The conference of young scholars heard 22 papers whose content is reviewed here. Among the topics were the cultural, social and intellectual conditions in which the treatise on perpetual peace appeared, its influence on the creation of the League of Nations, the UN and the EU; intersections with twentieth-century philosophical projects were also covered. Some original interpretations were offered.

Keywords: Kant, perpetual peace, war, pacifism, republicanism, federalism, civil society

On 24 – 31 July 2022 Zelenogradsk, Kaliningrad region, hosted the Fourth Immanuel Kant International Summer School, organised by the research unit "Academia Kantiana" of the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU)

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University. 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 14.08.2024. doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-7

ем Академия Кантиана БФУ им. И. Канта при поддержке Форума «Петербургский диалог». Традиционно в качестве главного организатора и инициатора выступила Нина Анатольевна Дмитриева, профессор Московского педагогического университета и научный директор Академии Кантианы. Научным руководителем был приглашен профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории зарубежной философии РГГУ Алексей Николаевич Круглов. Научным ассистентом стал специалист по философии Канта и современной политической философии, доктор философских наук Вадим Александрович Чалый (БФУ им. И. Канта / МГУ им. М. В. Ломоносова). В качестве участников — молодых исследователей — в работу летней школы внесли свой вклад представители восьми университетов: МГУ им. М. В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РГГУ, РУДН, СПбГУ, РГПУ им. А. И. Герцена, БФУ им. И. Канта и Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия).

Лекции А. Н. Круглова были главным образом посвящены, сообразно с названием летней школы, учению Канта о войне и мире, месте и значению этого учения в философии Просвещения и немецкого идеализма. В первой лекции было показано, что истоки размышлений Канта о вечном мире обнаруживаются в сочинениях аббата Сен-Пьера, Жан-Жака Руссо, Шарля Луи де Монтескье. Наследуя мысли указанных философов, Кант считал, что международные проблемы должны обсуждаться и решаться государствами исключительно дипломатическим способом; однако такое обсуждение, приводящее к союзу, возможно только при упразднении монархий и установлении республиканской формы правления в государствах.

В следующих лекциях детально рассматривались представления Канта о войне, а также его собственный проект вечного мира. Кант полагал, что естественное состояние челове-

with the support of the “Petersburg Dialog” Forum. As usual, its main organiser and initiator was Nina A. Dmitrieva, Professor of the Moscow Pedagogical University and scientific director of the *Academia Kantiana*. Prof. Dr Alexei N. Krouglov, Head of Department of History of Philosophy, Russian State University for the Humanities (RSUH), was invited to be the School’s scientific supervisor. The scientific assistant was Prof. Dr Vadim A. Chaly (IKBFU / MSU). The young researchers who took part at the Summer School were representatives of eight universities: Lomonosov Moscow State University (MSU), National Research University “Higher School of Economics” (HSE), Russian State University for the Humanities (RSUH), Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia (PFUR), St. Petersburg State University (SPbU), Herzen State Pedagogical University of Russia (HSPU), IKBFU and Belarussian State University (BSU, Minsk, Belarus).

Alexei Krouglov’s lectures, in accordance with the School’s name, were devoted mainly to Kant’s teaching on war and peace, the place and significance of this teaching in the philosophy of the Enlightenment and in German idealism. The first lecture traced the sources of Kant’s reflections on perpetual peace to the abbé de Saint-Pierre, Jean-Jacques Rousseau and Charles Louis de Montesquieu. In line with the thinking of these philosophers Kant believed that international problems should be discussed and solved by the relevant states only by diplomatic means; however, such discussion, which leads to agreement, is only possible if monarchies are abolished and the republican form of government is established.

ства — это состояние войны всех против всех, поскольку от природы люди эгоистичны, а регулирующих их поведение законов нет. Однако люди могут выйти из этого состояния путем заключения общественного договора о создании гражданского общества, которое основывается на верховенстве закона, гарантирующего права всех граждан. Кант верил, что ужасы войны могут прекратиться при заключении вечного мира между государствами, обязующимися следовать определенным принципам, таким как отказ от агрессивной войны, создание республиканских правительств, установление свободной торговли между нациями (однако избегая крайностей «торгашеского духа»). При этом Кант признает случаи, когда война может быть оправданна: это оборонительные и освободительные войны. А. Н. Круглов также отметил, что при рассмотрении всего корпуса работ Канта его взгляды на войну могут показаться противоречивыми²: например, Кант называл войну «возвышенной» и находил в ней воспитателя самопожертвования и доблести — добродетелей, сдерживающих торжество вышеупомянутого «торгашеского духа» (AA 05, S. 263; Кант, 2001, с. 299). Рассогласование кантовских взглядов на войну можно было бы примирить с помощью соотнесения перспектив философии права и философии истории с определяющей и рефлектирующей способностями суждения соответственно; или же предположив эволюцию взглядов, в ходе которой Кант становится все большим пацифистом. Однако какие-то пассажи Канта все равно будут выбиваться из той или другой схемы объяснения. А. Н. Круглов предложил гипотезу, согласно которой Кант действительно считал войну ужасной вещью, но также видел в ней неизбежную часть человеческой истории, отдельные последствия которой могут оказаться положительными для развития человечества.

²Подробнее см.: (Круглов, 2022, с. 645–648).

The following lectures elaborated on Kant's views on war, as well as his own project of perpetual peace. Kant believed that the state of nature was war of all against all, because people are intrinsically selfish, but there are no laws regulating their behaviour. However, humans can emerge from this state by concluding a social contract to create the civil society based on the rule of law which guarantees the rights of all citizens. Kant believed that the horrors of war could come to an end if the states concluded a perpetual peace and undertook to follow certain principles, e.g. the avoidance of aggressive wars, the creation of republican governments and free trade between nations (without, however, "the spirit of mere commerce"). Kant recognises that sometimes a war is justified, e.g. defensive wars and wars of liberation. Krouglov also noted that looking at the whole body of Kant's works, his views on war might appear to be contradictory:² Kant, for example, considered war to be "sublime" because it fostered the qualities of self-sacrifice and valour, both virtues that held "the spirit of mere commerce" at bay (*KU*, AA 05, p. 263; Kant, 2000, p. 146). Contradictions in Kant's views on war could be reconciled by relating the perspectives of the philosophy of law and the philosophy of history with the determining and reflexive powers of judgment; or by positing an evolution of viewpoints, seeing that Kant became more and more of a pacifist. And yet some passages in Kant would still defy one or the other explanation. Krouglov argued that Kant indeed considered war to be a terrible thing, but he also saw it as an inevitable part of human history, some of whose consequences might be favourable for the development of humankind.

²For more detail see Krouglov (2022, pp. 645-648).

Заключительные лекции были посвящены рецепции кантовского трактата и современным дискуссиям о кантовском учении о вечном мире. А. Н. Круглов продемонстрировал, что в конце XVIII — начале XIX в. кантовский трактат был воспринят преимущественно критически. Некоторые видели в идее вечного мира несбыточный утопический идеал (например, Г. В. Ф. Гегель (Круглов, 2023, с. 397)), некоторые — угрозу традиционным структурам власти и национальному суверенитету (например, Ф. Генц). И даже если Кант обрел сторонников в перспективе своей идеи освободительных войн, А. Н. Круглову было важно показать принципиальность для Канта различия между естественным и положительным правом: именно естественное право основано на априорных принципах и соотносится с нравственностью и свободой, а также с надеждой на прогресс человечества³. Для XX же века оказывается значимым то, что Кант заложил основы системы международных институтов, которые должны выступать правовым гарантом взаимодействий государств согласно закону, исключающему применение агрессивных методов, приближая тем самым наступление вечного мира.

Каждый тематический блок более подробно рассматривался во время семинаров и тьютория, деятельность которых отталкивалась от заранее избранных текстов Ш.Л. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шиллера, Г. В. Ф. Гегеля. Такой формат занятий предусматривает, с одной стороны, передачу активной роли молодым исследователям, что часто запускает процесс заинтересованной уважительной дискуссии, в которой участники проявляют свои навыки философствования, а с другой стороны, мастер-класс по чтению философских текстов, включающий скрупулезную реконструкцию аргументов и предоставление концептуального и исторического контекста — под руководством научных наставников.

³ О подобной подмене на примере понятия человеческого достоинства см.: (Круглов, 2024, с. 67).

The concluding lectures were devoted to the reception of the Kantian treatise and present-day discussions of Kant' teaching on perpetual peace. Krouglov noted that the reception of Kant's treatise in the late eighteenth and early nineteenth centuries was largely critical. Some saw the idea of perpetual peace as an impossible utopia (e.g. Hegel (Krouglov, 2023, p. 397)), and some as a threat to traditional power structures and national sovereignty (e.g. Friedrich von Gentz). Even if Kant's idea of war of liberation gained some support, Krouglov stressed that Kant made a fundamental distinction between natural and positive law: it is natural law that is based on *a priori* principles and relates to morality and freedom, and to the hope for humanity's progress.³ The important thing for the twentieth century is that Kant laid down the foundations of a system of international institutions which should provide legal guarantees that the states would interact according to the law that rules out the use of aggressive methods, and thus bring closer the advent of perpetual peace.

Each thematic block was discussed in greater detail in the course of the seminars and the tutorial which proceeded from selected texts of Montesquieu, Rousseau, Kant, Fichte, Schiller and Hegel. This format, on the one hand, encourages young researchers to engage in a lively and respectful discussion in which the participants hone their philosophical skills and, on the other hand, provides a master class in the reading of philosophical texts, including meticulous reconstruction of arguments and analysis of the conceptual and historical context under the guidance of mentors.

³ For an example of such fiddling with the concept of human dignity see Krouglov (2024, p. 67).

Но наибольшую активность и самостоятельность участники летней школы проявляли во время презентации и защиты собственных исследовательских проектов в рамках конференции, которой завершались дни работы школы. Всего было представлено двадцать два доклада⁴. Ради сохранения атмосферы оживленной дискуссии, вызванной предложенными проектами, мы представим доклады не в их фактическом хронологическом порядке, а с учетом перетекающего характера обсуждения, длившегося на протяжении нескольких дней.

Начнем с несколько провокационного сообщения *Н. Ю. Чепелевой* (МГУ им. М. В. Ломоносова), в котором она поставила вопрос о том, «был ли Кант пацифистом?». Было показано, что, призывая к установлению вечного мира и заявляя о его неизбежности, Кант тем не менее признает необходимость войны в естественном состоянии как некоторой переходной стадии. Чепелева указала, что если принять во внимание историческую трансформацию восприятия трактата о вечном мире, то «пацифистом» в современном значении слова — то есть абсолютным противником войны и насилия — Канта назвать нельзя. В свою очередь, *И. Д. Бабкин* (РГПУ им. А. И. Герцена) погрузил аудиторию в исторический контекст конца XVIII в.: периода войн, революций и государственной цензуры — периода после Вестфальского мира, в котором война была нормализована, а после Базельского договора 1795 г. пряталась под маской финансовой системы, вставшей на службу политической конкуренции. Именно в условиях подобного политического давления Кант предлагает свои идеи о пересмотре оснований международного права и о замене узаконенного беззакония институционализированными правовыми отношениями — идеи, которые нельзя не считать революционными.

⁴См. тезисы докладов: (IV Летняя школа..., 2022).

However, the participants were at their most active and independent during the presentation and defence of their own research projects. A total of 22 papers was presented.⁴ To maintain the atmosphere of a lively discussion inspired by the presentation of the projects, the papers will not be considered chronologically but in keeping with the flow of the discussion, which lasted several days.

Let us begin with the somewhat provocative presentation by *Natalia Yu. Chepeleva* (MSU), in which she asked the question, “Was Kant a pacifist?” It was pointed out that, while calling for perpetual peace and declaring that it was inevitable, Kant nevertheless conceded that war was necessary in a state of nature as a transitional stage. Chepeleva argued that, bearing in mind the historical transformation of the perception of the treatise on perpetual peace, Kant cannot be called a “pacifist” in the modern sense of the word.

Ivan D. Babkin (HSPU) immersed the audience in the historical context of the late eighteenth century, the period of wars, revolutions and state censorship, the period after the Peace of Westphalia, when war became the new norm, and after the Basel Peace of 1795 was disguised as a financial system that put itself in the service of political competition. It was at the time of such political pressure that Kant put forward his ideas of revising the principles of international law and replacing legitimised lawlessness with institutionalised legal relations, ideas that were nothing if not revolutionary.

It was not only the political situation that was putting pressure on Kant: in the late eighteenth century Germany saw a fierce philosophical debate after the publication of Kant’s

⁴See theses of papers in Dmitrieva (2022).

Не только политическая ситуация оказывала давление на Канта: в Германии конца XVIII в. развернулась бурная философская дискуссия после публикации его главных трудов критического периода, в частности спор о проблеме свободы и свободного аморального действия, суть которого была раскрыта *Ф. Г. Анисимовым* (РГГУ). Так, К. Л. Рейнгольд пытался отделить понятие воли от понятия разума в определении свободы, что позволило бы объяснить возможность совершения злых поступков по свободной воле; решение Рейнгольда состояло в признании независимости свободы воли от принуждений чувственности и практического разума, а также ее способности произвольного самоопределения в угоду или вопреки практическому закону. Не удовлетворившись этим, С. Маймон предложил собственное понятие свободы и морального закона, сблизив стремление к моральному совершенству и стремление к познанию истины, а также отказав кантовскому практическому разуму в примате над теоретическим. Далее Анисимов представил позицию И. Г. Фихте, который, попутно избавившись от аргументов Маймона и оставшись верным кантовскому примату практического разума, в целом пошел вслед за Рейнгольдом, признав разные уровни реализации материальной свободы. В заключение Анисимов отметил, что Фихте и Маймон дополнили категорический императив чувственным выражением морального закона — совестью. В докладе *А. С. Зильбера* (БФУ им. И. Канта) было показано, как подобное давление со стороны критиков могло повлиять на кантовские работы. Исследователь рассмотрел развитие кантовских идей о республике и федерации и выявил следующую динамику: до трактата «К вечному миру» Кант считал, что (кон)федерация должна обладать исполнительной властью, в самом трактате указывал, что вступление в федерацию должно быть исключительно добровольным, а после трактата, обсуждая естественное

critical works. Part of it was the problem of freedom and free immoral action, which was addressed by *Fedor G. Anisimov* (RSUH). Thus, Karl Leonhard Reinhold tried to separate the concept of the will from the concept of reason in defining freedom. This would enable him to explain the possibility of evil acts of one's free will; Reinhold's solution was to recognise the independence of the free will from the dictates of sensibility and practical reason, and its ability to self-determine in line with or contrary to practical law. Not content with this solution, Maimon proposed his own concept of freedom and moral law, linking the quest for moral virtue and the quest for truth and rejecting Kant's primacy of practical reason over theoretical reason. Anisimov then presented the position of Fichte who, disposing of Maimon's arguments and remaining loyal to Kant's idea of the primacy of practical reason, basically followed Reinhold by recognising different levels of realisation of material freedom. In conclusion, Anisimov noted that Fichte and Maimon complemented the categorical imperative by conscience, or sensual manifestation of the moral law.

Dr Andrey S. Zilber (IKBFU) showed how critical pressure might have influenced Kant's work and traced the evolution of Kant's ideas about republics and federation. Before the treatise on perpetual peace Kant held the view that a (con)federation must have executive powers, in the treatise he argued that joining the federation must be strictly voluntary, and after the treatise Kant, discussing natural law in the *Metaphysics of Morals*, argued that given voluntary consent of the people with the sovereign and a commitment to achieve a (con)federative union, war was admissible. Zilber's hypothesis is that in the first case the idea of federation

право в «Метафизике нравов», полагал, что при условии добровольного согласия народа со своим сувереном и при нацеленности на достижение (кон)федеративного союза допускается право на войну. Гипотеза Зильбера состоит в том, что в первом случае идея федерации служила условием морального воспитания, во втором — условием обеспечения публичного права, в третьем же можно дать двойственное объяснение: с одной стороны, под давлением критики политических реалистов (например, Генца) Кант был вынужден признать силу принуждения в качестве промежуточной стадии, а с другой — ввиду специфики жанра всеохватный компендиум должен был содержать все разделы философии права, в отличие от публицистического миролюбивого трактата, где упоминание права на войну оказывалось неуместным.

Стилистические особенности письма Канта в сопоставлении с Ницше в контексте их принадлежности классической и неклассической традициям соответственно рассмотрела У. Д. Троян (БГУ, Минск, Беларусь). Так, было особенно подчеркнут критический выпад Ницше против разума как такового, в то время как Кант, родоначальник критического философского метода, критиковал притязания разума, но не сам разум. В свой черед, М. А. Коваленко (СПбГУ) предложил неклассическую интерпретацию кантовского представления «я мыслю», мотивом для которой послужила неудовлетворенность традиционным указанием лишь на техническую роль трансцендентального единства апперцепции в синтезе представлений и конституировании субъекта. Коваленко стремился показать, что, только добравшись до переживания представления «я мыслю», себя впервые обнаруживает субъект и становится им в подлинном смысле. Коваленко увидел в трансцендентальном единстве апперцепции основание для оформления метафизического порядка. Самостоятельность субъекта

was a condition of moral education, in the second case, a condition of public law and, in the third case, there could be a dual explanation: on the one hand, under critical pressure from political realists (for example, Gents) Kant had to recognise coercion as an intermediate stage and, on the other hand, due to the exigencies of the genre, an all-embracing compendium had to contain all sections of the philosophy of right, unlike a peaceable philosophical pamphlet where mentioning the right to war was inappropriate.

Ulyana D. Troyan (BSU, Minsk, Belarus) examined the stylistic features of Kant's writing in comparison with Nietzsche in the context of their belonging or not belonging to the classical and non-classical traditions. In particular, she stressed Nietzsche's critical sortie against reason as such, whereas Kant, the progenitor of the critical philosophical method, criticised reason's claims, but not reason itself.

For his part, *Mikhail A. Kovalenko* (SPbU) proposed a non-classical interpretation of the Kantian notion "I think", prompted by misgivings about the traditional mentioning of only the technical role of the transcendental unity of apperception in the synthesis of representations and construction of the subject. Kovalenko argued that it was only after reaching the experience of the thought "I think" that the subject first reveals himself and becomes a subject in the authentic sense. Kovalenko saw transcendental unity of apperception as the foundation for establishing metaphysical order.

Independence of the subject was revealed also in Dietrich Bonhöffer's idea of "non-religious Christianity" which was examined by *Nikita V. Kalinin* (IKBFU), who focused on Kant's idea of "a mature world." In criticising Protestant liberal theology, which forfeited its

также была выявлена в идее «безрелигиозного христианства» Д. Бонхёффера, к которой обратился Н. В. Калинин (БФУ им. И. Канта), сфокусировав свое внимание на попытке ре-актуализации кантовской идеи «совершен-нолетнего мира». Критикуя протестантскую либеральную теологию, лишившую себя ре-сурсов для противостояния злу нацистского режима, Бонхёффер обновил представление о «естественной жизни», понимая ее как воз-можность осуществления дарованной челове-ку свободы в мирской реальности. Калинин продемонстрировал, что и у Бонхёффера, и у Канта совершеннолетие и секуляризация мар-кируют автономность личности и безрелиги-озное сознание, что позволило Бонхёфферу вместо политической этики лютеранской док-трины двух царств предложить представление о государстве как об удерживающей (катехони-ческой) силе, что наследует кантовскому раз-личению публичного и частного применения разума совершеннолетним гражданином.

К корням этических категорий самого Канта обратилась А. В. Повечерова (МГУ им. М. В. Ло-моносова), которая прояснила понятие добро-детели в сопоставлении с его употреблением Х. А. Крузием. Было обнаружено, что понятие добродетели у обоих философов основано на следовании обязательному предписанию разу-ма, а не на исполнении закона из страха или в надежде на воздаяние; но если у Крузия источ-ником добродетели выступает Бог, то у Канта критического периода этот источник не может быть вне разума человека. И хотя, как подме-тила Повечерова, вопрос о влиянии Крузия на Канта остается открытым, ранняя этическая мысль Канта опирается на традиционные эти-ческие идеи, лишь в последующем устанав-ливая новые основания морального закона и свободы человека. В свою очередь, анализ клас-сического представления о естественном состо-янии, предложенный К. С. Севериной (БФУ им. И. Канта), показал, что Кант вслед за Т. Гобб-

resources for opposing the evil of the Nazi re- gime, Bonhöffer renewed the concept of “natu- ral life” which he understood as the possibility to exercise the freedom given to human beings in the world reality. Kalinin demonstrated that according to both Bonhöffer and Kant, matu- rity and secularisation mark the autonomy of the individual and non-religious conscio- ness, which enabled Bonhöffer, instead of the political ethics of the Lutheran doctrine of two kingdoms, to propose an idea of the state as the holding (catechonic) force, which harks back to the Kantian distinction between public and private use of reason by a mature citizen.

The roots of the ethical categories of Kant himself are traced by *Anastasiya V. Povechero- va* (MSU), who explained the concept of virtue, comparing it with the way it is used by Chris- tian August Crusius. She has found that the concept of virtue used by both philosophers is based on following the prescription of reason and not on obeying the law out of fear or hope for a reward; but while for Crusius the source of virtue is God, for Kant of the critical period the source cannot be outside of human reason. Although, as Povecherova notes, the question of Crusius’ influence on Kant remains open, Kant’s early critical thought is anchored in tra- ditional ethical ideas and it is only later that he establishes new grounds for the moral law and human freedom.

The analysis of the classical concept of the state of nature proposed by *Ksenia S. Severina* (IKBFU) shows that Kant, following Hobbes, recognises the state of war. Because war and peace are the two modes of relations between the peoples, Kant retains three dimensions of a just war, such that only *jus ad bellum* should be accepted. Severina holds that the obstacle to perpetual peace is stupidity, which the devel-

сом признает в нем состояние войны. При этом, поскольку война и мир образуют два модуса отношений между народами, Кант сохраняет три измерения справедливой войны, где лишь *jus ad bellum* должно исчезнуть. Северина предположила, что именно глупость является препятствием на пути к вечному миру, искоренить которую может развитие культуры и просвещение.

К вопросу об условиях возможности представления мира, предшествующего реализации мира «вечного», обратилась Е. А. Клименская (РГПУ им. А. И. Герцена). Истоки такого «невечного» мира в естественном состоянии были обнаружены в рефлектирующей эстетической способности суждения. Соответственно, были презентованы три типа эстетического представления мира, а затем сопоставлены с миром моральным: так, приятный мир и полезный мир покоятся на субъективном интересе, а прекрасный мир, значимый лишь как предмет незаинтересованного благорасположения и притязающий на всеобщность, независим от другого основания, в то время как стремление к вечному миру подчинено объективному принципу воли — моральному закону. Клименская пришла к заключению, что эстетическое представление мира несовместимо с построением вечного мира. К ресурсам «Критики способности суждения» для прояснения взглядов Канта на войну и мир также обратилась Д. Д. Дятлова (РГПУ им. А. И. Герцена), рассмотрев точку зрения Х. Арендт по вопросу об условиях вынесения исторических суждений. Были выявлены два требующихся для этого фактора: позиция стороннего наблюдателя и кантовская идея прогресса. Далее Дятлова продемонстрировала, что для вынесения такого суждения задействуется, по Арендт, *sensus communis* как общее чувство, обеспечивающее интерсубъективный характер суждения, а также репродуктивное воображение, которое создает дистанцию и условие для беспристрастного суждения. Следо-

velopment of culture and enlightenment are called upon to eradicate.

Elena A. Klimenskaya (HSPU) looks at the possibility of peace preceding the advent of “perpetual” peace. The source of “non-perpetual” peace in the state of nature, she argues, is reflexive aesthetic power of judgment. Accordingly, she presents three types of aesthetic representation of the world and compares them with the moral world: thus the agreeable world and useful world stem from the subjective interest, and the beautiful world, which has meaning only as an object of disinterested satisfaction and claims to be universal, does not depend on any other foundation, whereas the quest of perpetual peace stems from the objective principle of the will, the moral law. Klimenskaya arrives at the conclusion that the aesthetic representation of the world is incompatible with perpetual peace.

Daria D. Dyatlova (HSPU) in examining the position of Hannah Arendt on the conditions of delivering historical judgments, also turns to the resources of the *Critique of Judgment* to clarify Kant’s views on war and peace. She identifies two factors: the position of the onlooker and Kant’s idea of progress. She then goes on to demonstrate that, according to Arendt, to pass such a judgment there needs to be a *sensus communis*, a common sense which lends the judgment an inter-subjective character, as well as reproductive imagination which ensures the proper distance and impartial judgment. Consequently, such distancing brings us closer to the meaning of the historical event being judged.

Daria A. Slepukhina (PFUR) in her presentation of the views of Georges D. Gurvich proposes a different way out of methodological individualism: she demonstrates that renuncia-

вательно, такое дистанцирование оказывается приближением к смыслу оцениваемого исторического события. Иное решение для выхода из методологического индивидуализма было предложено в презентации позиции Г. Д. Гурвича *Д. А. Слепухиной* (РУДН): она показала, что отказ от дуалистических положений, имеющих в философии Канта (например, различение сущего и должного, внешнего и внутреннего закона) и неокантианцев (например, разделение понимания и объяснения, нормы и факта), позволил русско-французскому философу разработать свой концепт нормативного права, которое представляет собой форму социального взаимодействия, основанную на постижении справедливости и направленную на конструирование социальной реальности. Слепухина отметила, что в своей философии права Гурвич анализирует социальную роль индивида и право как форму выражения трансперсональных ценностей, обращение к которым позволяет избежать концептуальных недостатков методологического индивидуализма предшественников.

На важность воспитания и образования для реализации проекта вечного мира указала *В. С. Дзежора* (БФУ им. И. Канта), предположив, что между педагогическими и политическими трудами Канта, между развитием человека и формированием обществ есть взаимосвязь: и в том и в другом случае в основании лежит этика долга с присущим ей стремлением к дисциплине, уважению и свободе. На важность воспитания в ходе морального совершенствования также обратил внимание *Д. О. Рожин* (БФУ им. И. Канта): оно позволяет достичь гражданско-правового состояния, необходимого для реализации задатков человека — необщительной общительности и практического разума. Описав кантовскую позицию «антропологического оптимизма» как новацию в философии истории, Рожин показал, что для достижения морального совершенства челове-

tion of dualistic propositions in the philosophy of Kant (e.g. the is / ought to be and external versus inner law distinction) and Neo-Kantians (e.g. the distinction between understanding and explanation, norm and fact) enabled the Russian-French philosopher to work out his own concept of normative law, which is a form of social interaction based on understanding justice and aimed at constructing social reality. Slepukhina points out that Gurvich in his philosophy of law analyses the social role of the individual and law as a form of expressing transpersonal values which make it possible to avoid the conceptual shortcomings of the methodological individualism of predecessors.

Valeria S. Dzhezhora (IKBFU) stressed the importance of education for the implementation of the perpetual peace project, suggesting that there is interconnection between Kant's pedagogical and political works, the development of the human being and the formation of societies; both are based on the ethic of duty with its inherent emphasis on discipline, respect and freedom.

The importance of education in the course of moral improvement was also noted by *David O. Rozhin* (IKBFU): it makes it possible to achieve a civil-law condition needed for realisation of inherent human properties — the unsociable sociability and practical reason. Describing Kant's stance of "anthropological optimism" as breaking new ground in the philosophy of history, Rozhin argues that to achieve moral perfection humanity should attain a perfect civil condition through coercion by law and respect for the law.

The unsociable sociability proved to be an aspect of utopia as a formal principle along with transcendental illusion or the kingdom of

чество должно прийти к совершенному гражданскому состоянию через принуждение законом и уважение к праву. Необщительная общительность оказалась одним из аспектов утопического как формального принципа наряду с трансцендентальной видимостью и царством целей в представленной А. О. Сабановым (БФУ им. И. Канта) интерпретации отношения спекулятивного и действительного в функционировании разума. Показав вложенность друг в друга политического, этического и теоретического на трансцендентальном уровне, Сабанов заключил, что работа утопического как формального принципа требует критической ревизии конкретных содержательных утверждений, что касается в том числе и положений кантовского трактата о вечном мире. О востребованности принципа необщительной общительности в философии персонализма сообщил Д. В. Михалёв (БФУ им. И. Канта), показав, что Ж. Лакруа опознавал выражение этого принципа в современной ему социальной реальности: с одной стороны, в самостоятельности выбора жизненного пути человека и его праве на протест, а с другой — в его солидаризации с гражданско-правовым обществом. Было отмечено, что, поскольку предпочтительную форму господства французский философ, в отличие от Канта, видел в демократии, наивысшим проявлением постепенного улучшения жизни со времен Канта Лакруа считал создание ООН.

В своем выступлении Д. С. Краснов (РГГУ) зафиксировал значение кантовского проекта вечного мира как концептуального предвестника Лиги Наций и ООН, но далее продемонстрировал, что Европейский союз представляется более сообразной кантовскому идеалу реализацией мирного союза между государствами: в основу международных отношений заложено, как того и хотел Кант, именно право, а не сила, что также предполагает уважение к гражданским свободам и высокое значение экономиче-

ends in the presentation of *Aleksandr O. Sabanov* (IKBFU) on the relationship between the speculative and the real in the functioning of reason. Demonstrating the mutual embeddedness of the political, ethical and theoretical on the transcendental level, Sabanov concludes that the utopian as a formal principle calls for a critical revision of content-based statements, which applies, among other things, to the provisions of certain aspects of the Kantian treatise on perpetual peace.

The relevance of the principle of unsociable sociability for the philosophy of personalism was discussed by *Denis V. Mikhalyov* (IKBFU) who demonstrated that George Lacroix identified the manifestations of this principle in contemporary social reality: on the one hand, in independent choice of people's life paths and their right to protest and, on the other hand, in solidarity with the rule-of-law civil society. He notes that because the Frenchman, unlike Kant, preferred democracy, he considered the creation of the UN to be the highest manifestation of gradual improvement of life since Kant's time.

Danila S. Krasnov (RSUH), while noting the importance of the Kantian perpetual peace project as the conceptual forerunner of the League of Nations and the UN, argued that the European Union was more in line with the Kantian ideal of a pacific league between states: international relations are based, exactly as Kant wished, on law and not on might. This presupposes respect for civil liberties and puts a premium on economic cooperation as a factor contributing to peace.

Daria D. Khokhlova (HSE) highlighted the problems the EU faces on the way to perpetual peace: examples here are the problem of the relationship between the sovereignty of indi-

ской кооперации, содействующей миру. Имеющиеся у ЕС проблемы на пути к вечному миру обозначила Д. Д. Хохлова (ВШЭ): это проблема соотношения суверенитета отдельных стран и союза в целом, проблемы «европейского национализма», миграционного кризиса, формирования космополитической идентичности. Хохлова предположила, что проект Канта (и его осмысление Ю. Хабермасом) сохраняет потенциал обнаружения и решения трудностей ЕС на пути к вечному миру. Обратившись к примерам из новейшей истории, М. Е. Баспакова (БФУ им. И. Канта) указала на случаи нарушения некоторых статей кантовского проекта вечного мира. Было подчеркнуто, что реализация этих статей в качестве условия мирного сосуществования требует уважения к территориальному суверенитету и культурным традициям других государств, а также всеобщей устремленности к моральному совершенствованию.

Мирный проект объединения Европы, предложенный Э. Юнгером, был сопоставлен Д. А. Козловой (МГУ им. М. В. Ломоносова) с кантовским мирным проектом. Так, если Кант относится к традиции мира, то Юнгер — к традиции войны: в первый период творчества он в духе Гегеля воспевал войну, а во второй — противостоял идеям национал-социалистов, признав конец классической сакральной войны, взамен которой пришла война бессмысленная, ведущая к масштабным технологическим угрозам, избежать которых способно только новое союзное образование на принципах геополитического единства и культурного разнообразия. Козлова заключила, что в мирном проекте Юнгера обнаруживается синтез традиций мира и войны. Критику против совместимости кантовского проекта вечного мира и империалистической политики, основанной на экспансии и угнетении других народов, развернула М. В. Ровбо (Минск, Беларусь). Рассмотрев функционирование кантовских

vidual countries and the union as a whole, the problems of “European nationalism”, the migration crisis, the forming of a cosmopolitan identity. Khokhlova believes that Kant’s project (and its interpretation by Jürgen Habermas) still has the potential to identify and solve the problems of the EU in its quest for perpetual peace.

Turning to examples from recent history, *Madina E. Baspakova* (IKBFU) cited violations of some articles of the Kantian perpetual peace project. She stressed that compliance with these articles as a pre-condition of peaceful coexistence calls for respect of the territorial sovereignty and cultural traditions of other states, as well as a shared commitment to moral improvement.

Daria A. Kozlova (MSU) compared the peaceful project of a united Europe proposed by Ernst Junger with the Kantian perpetual peace project. Thus, while Kant belongs to the tradition of peace, Junger belongs to the tradition of war: in the first period of his work he praised war in the spirit of Hegel, and in the second period he stood up against the ideas of Nazism, recognising the end of the classical sacred war which has been replaced by a meaningless war involving massive technological threats, a war which can be avoided only by a new union based on the principles of geopolitical unity and cultural diversity. Kozlova concludes that Junger’s peace project is a synthesis of the traditions of peace and war.

Marharyta V. Rouba (Minsk, Belarus) challenged the compatibility of the Kantian perpetual peace project with imperialist policy based on expansion and suppression of other peoples. Examining the functioning of Kant’s ideas of the rule-of-law civil society, the kingdom of ends and federation, Rouba comes to the conclusion that the use of the idea of perpetual

идей о правовом гражданском обществе, царстве целей и федерации, Ровбо пришла к выводу о том, что адаптация идеи вечного мира для оправдания империалистических целей ведет к искажению смысла этой идеи, который полностью раскрывается лишь при целостном осознании социально-политических воззрений Канта. К парадоксальной возможности использования кантовской риторики как в пацифистском, так и в милитаристском ключе обратилась А. А. Яловничая (РГПУ им. А. И. Герцена). В качестве причин этого парадокса она указала на значение цензуры в Пруссии конца XVIII в. и на проглядывающий у Канта феномен эстетизации и героизации войны, который и в нынешнем виде (например, в образовательных и коммеморативных практиках) продолжает вытеснять осознание ее катастрофических последствий; альтернатива, как было указано в заключении, может открыться при перепрочтении кантовской аналитики возвышенного.

Живой интерес участников летней школы к философскому наследию Канта выразился в широком спектре тем и подходов представленных исследований. А плодотворная дискуссия, критически осмысляющая кантовские идеи, указывает на их непреходящее значение в качестве интеллектуального и морального импульса. Кроме того, летняя школа Академии Кантианы позволила объединить лучших представителей научного сообщества по заявленной теме, наградив участников бесценным профессиональным опытом и широким кругом академических знакомств.

Список литературы

IV Летняя школа по изучению наследия Иммануила Канта. Учение Канта о войне и мире в философии Просвещения и немецкого идеализма : сб. тез. докл. междунар. науч. конф., Зеленоградск, Калининградская область, 24—31 июля 2022 года / под ред. Н. А. Дмитриевой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022.

peace to justify imperialistic goals distorts the meaning of this idea, which is fully revealed only if Kant's socio-political views are considered in their entirety.

The paradoxical possibility of using the Kantian rhetoric both in the pacifist and militaristic way was explored by *Anna A. Yalovnichaya* (HSPU). She attributes this paradox to the role of censorship in Prussia in the late eighteenth century and the elements of aestheticisation and heroisation of war in Kant's works, which in today's guise (e.g. in educational and commemorative practices) continues to displace awareness of its catastrophic consequences; an alternative, the author suggests, may be opened up by a re-reading of Kant's analytic of the sublime.

The lively interest in the philosophical legacy of Kant shown by the participants in the Summer School was manifested in the wide spectrum of themes and approaches presented. Fruitful critical discussion of Kantian ideas is proof of their intransient significance as an intellectual and moral impulse. Besides, the Summer School of the *Academia Kantiana* brought together the top specialists in the themes of discussion and gave the participants a priceless chance to share experiences and strike up new academic friendships.

References

Dmitrieva, N. A., ed. 2022. *IV Letnyaya shkola po izucheniyu naslediya Immanuila Kanta. Uchenie Kanta o voyne i mire v filosofii Prosveshcheniya i nemetskogo idealizma* [The Fourth International Kant Summer School. Kant's Doctrine of War and Peace in the Philosophy of the Enlightenment and German Idealism]. Proceedings of the International Scientific Conference, Zelenogradsk, Kaliningrad Region, 24—31 July 2022. Kaliningrad: IKBFU Press.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 69—833.

Круглов А.Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Исходное состояние и ранние произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2022. Т. 26, № 3. С. 644—657. doi: 10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657.

Круглов А.Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Зрелые произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Философия. 2023. Т. 27, № 2. С. 390—405. doi: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405.

Круглов А.Н. О кантовском понятии человеческого достоинства сегодня // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 47—75. doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-3.

Об авторе

Александр Олегович Сабанов, Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AOSabanov1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2095-0669>

Для цитирования:

Сабанов А. О. Учение Канта о войне и мире в философии просвещения и немецкого идеализма. Обзор IV Международной летней школы по изучению наследия Иммануила Канта // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 4. С. 169—182.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-4-7

© Сабанов А. О., 2024.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press.

Krouglov, A. N., 2022. Hegel's Bellicis View of War. Initial State and Early Works. *RUDN Journal of Philosophy*, 26(3), pp. 644-657. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2022-26-3-644-657> (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2023. Hegel's Bellicis View of War. Mature Works. *RUDN Journal of Philosophy*, 27(2), pp. 390-405. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405> (In Rus.)

Krouglov, A. N., 2024. The Kantian Concept of Human Dignity Today. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 47-75. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-3>

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Aleksandr O. *Sabanov*, MA, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kalinigrad, Russia.

E-mail: AOSabanov1@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-2095-0669>

To cite this article:

Sabanov, A. O., 2024. Kant on War and Peace in the Philosophy of the Enlightenment and German Idealism. Report of the Fourth Immanuel Kant International Summer School. *Kantian Journal*, 43(4), pp. 169-182.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-4-7>

© Sabanov A. O., 2024.

Представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution – Noncommercial – No Derivative Works <https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/deed.en> (CC BY-NC-ND 4.0)